

НИКУ
и памяти
Майкла Литфина
(1945–2008),
рассказавшего моему сыну
историю «Киндертранспорта»,
которую тот передал мне,
и
Труус Висмюллер-Мейер
(1896–1978),
а также всем спасенным ею детям
посвящается

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

Я помню: это было вчера или века назад... И вот тот самый мальчик оборачивается ко мне. «Скажи, — говорит он, — что сделал ты с моими годами, что сделал ты со своей жизнью?» ...Даже один человек, если он честен и смел, может изменить мир.

*Из речи Нобелевского лауреата Эли Визеля,
произнесенной в Осло 10 декабря 1986 года*

Примечание автора

После аннексии Германией независимого государства Австрия в марте 1938 года и Хрустальной ночи в ноябре того же года начались отчаянные усилия по вывозу десяти тысяч детей в Британию. Этот роман, хотя и является художественным вымыслом, основан на подлинных событиях отправки из Вены первого из серии «киндертранспортов» — поездов с детьми. Им руководила Гертруда Висмюллер-Мейер, жительница Амстердама, которая начала спасать детей еще в 1933 году. Дети называли ее тетей Труус.

Часть первая

ВРЕМЯ ДО

Декабрь 1936 года

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

На границе

Крупные снежные хлопья придавали сказочность виду: призрачный белый замок за окном словно парил над вершиной белого холма под крики кондуктора:

— Бад-Бентхайм! Поезд прибывает в Бад-Бентхайм, Германия! Пассажирам, следующим в Нидерланды, приготовить документы.

Гертруда Висмюллер, голландка с твердым подбородком, крупным носом и резко очерченными бровями, с большим ртом и добрыми серыми глазами, наклонилась к малышу у нее на коленях и поцеловала его раз, потом другой, ненадолго задержавшись губами на его гладком лбу. Потом протянула ребенка сестре и сняла ермолку с головы их братика, который еще нетвердо стоял на ножках.

— *Es ist in Ordnung. Es wird nicht lange dauern. Dein Gott wird dir dieses eine Mal vergeben,* — ответила Труус на возражения детей на родном для них языке. — Все хорошо. Это ненадолго. Ваш Бог нас простит.

Когда поезд, шумно выдохнув напоследок, остановился, средний мальчик вдруг бросился к окну с криком «Мама!».

Труус, приглаживая ему волосы на затылке, проследила за его взглядом в заснеженное окно и увидела платформу. Там, несмотря на метель, немцы стояли в упорядоченных очередях, носильщик толкал нагруженную багажную тележку, сутулый человек-сэндвич расхаживал с рекламой какого-то ателье на спине и на груди. Ага, вот и она. Стройная женщина

ПОСЛЕДНИЙ ПОЕЗД НА ЛОНДОН

в черном пальто и шарфе стоит у прилавка с сосисками, спиной к поезду. Это ее громко зовет мальчик:

— Мааа-мааа!

Женщина повернулась к ним лицом и, лениво откусывая от сосиски, стала разглядывать доску с объявлениями. Мальчик съезжился. Конечно, это была не его мама.

Труус притянула ребенка к себе, шепча:

— Тише, тише, тише, — боясь обещать ему небыточное.

Вдруг с шипением и лязгом распахнулась дверь вагона. Пограничник в форме подал руку, чтобы помочь сойти на платформу пассажирке — беременной немке, которая оперлась на его руку своей, затянутой в перчатку. Труус расстегнула перламутровые пуговицы собственных перчаток из желтой кожи и опустила широкие манжеты, украшенные элегантными черными полосками. Стянув перчатки — подкладка слегка цеплялась за крупный перстень с рубином, зажатый между двумя другими кольцами, — она обеими руками, кожа на которых уже начала подсыхать и покрываться пигментными пятнами, вытерла мальчику слезы.

Поправляя детям волосы и одежду, она говорила с ними, обращаясь к каждому по имени, а сама зорко следила за укорачивающейся очередью у выхода из вагона.

— Ну вот, — закончила она, вытирая малышу ротик в тот самый миг, когда вышел последний пассажир. — Теперь идите и мойте ручки, как мы с вами учились.

Пограничник-наци уже поднимался в вагон.

— Мойте как следует, без спешки, — спокойным голосом сказала Труус и, обращаясь к девочке, добавила: — Подержи братишек в туалете подольше, милая.

— До тех пор, тетя Труус, пока вы не наденете перчатки, — ответила девочка.

Ни у кого не должно было возникнуть подозрения, будто она прячет детей, в то же время ей не хотелось, чтобы они были рядом, пока она будет торговаться. «Значит, будем привлекать взгляд не к тому, что на виду, а к тому, что скрыто», — подумала она и машинально поднесла к губам рубин.

Она открыла сумочку, слишком изящную и «дамскую». Знай она, что придется возвращаться в Амстердам с тремя ребятишками, взяла бы что-нибудь посолиднее. Снимая одно за другим кольца, Труус складывала их в сумочку, прислушиваясь, как за ее спиной дети топчут в сторону туалета.

Пограничник уже стоял перед ней. Он был молод, но не настолько, чтобы не быть мужем, а то и отцом.

— Ваши визы? У вас есть визы на выезд из Германии? — требовательно обратился он к Труус, единственному взрослому человеку в вагоне, не считая его самого.

Труус продолжала копаться в сумочке, точно ища требуемые документы.

— Ох уж эти дети, голова с ними кругом, — добродушно пожаловалась она молодому пограничнику, а ее пальцы впились в голландский паспорт, одиноко лежавший у нее в сумочке. — У вас уже есть дети, офицер?

Тень несанкционированной улыбки скользнула по его лицу.

— Жена ждет первенца, к Рождеству должна родить.

— Как вам повезло! — воскликнула Труус и, пока пограничник смотрел в конец вагона, где звонко лилась в раковину вода и, словно птички, чирикали дети, улыбнулась собственному везению.

Она молчала. Пусть молодой человек проникнется мыслью о том, что скоро у него самого родится малыш, который сначала будет беспомощным, как ма-

ПОСЛЕДНИЙ ПОЕЗД НА ЛОНДОН

ленький Алекси, потом подрастет, научится ходить, как Израиль, а после станет совсем большим, как умница Сара.

Труус сидела, поглаживая рубин, искрящийся теплым светом на единственном кольце, оставшемся у нее на руке.

— Наверное, вы уже купили жене подарок. Что-нибудь особенное, в память о таком событии.

— Особенное? — рассеянно повторил наци, вновь поворачиваясь к ней.

— Красивую вещицу, которую ваша жена будет носить постоянно и которая будет напоминать ей о рождении первенца. — Она сняла с пальца кольцо и добавила: — Вот такую, к примеру. Мой отец подарил это моей матери в день, когда родилась я.

Ее бледные пальцы не дрожали, когда она протянула пограничнику кольцо, а с ним одинокий паспорт.

Пограничник недоверчиво взглянул сначала на кольцо, потом взял паспорт, пролистал его, снова бросил взгляд в конец вагона:

— Это ваши дети?

Дети голландцев обычно вписывались в паспорта родителей, но в ее паспорте никаких детей не значилось.

Она повернула кольцо так, чтобы свет заиграл на граненой поверхности камня, и сказала:

— Дети, они ведь дороже всего на свете.

Мальчик встречает девочку

Штефан выскочил за дверь, слетел по заметенным снегом ступеням и помчался к Бургтеатру. По улице он бежал, и сумка на боку при каждом шаге хлопала его по школьной куртке. Но у магазина канцелярских принадлежностей он все же притормозил: в витрине по-прежнему стояла она, пишущая машинка. Он поправил очки, поднес к стеклу пальцы и сделал вид, будто печатает.

По площади, где уже всю бушевала рождественская ярмарка и пахло глинтвейном и имбирными пряниками, мальчик бежал, работая локтями и то и дело бормоча направо и налево:

— Извините! Простите! Извините! — Шапку он надвинул почти на нос, чтобы его не узнали.

Он был из почтенной семьи: его предки разбогатели на производстве шоколада, дело открыли на собственные деньги и никогда не превышали кредит в банке Ротшильда. И если кто-нибудь нажалуется его отцу, что он опять сбил на улице с ног старушечку, то возделенная пишущая машинка останется под освещенной разноцветными огоньками елкой в витрине на Ратхаусплац и ни за что не попадет под елку в зимней галерее их дома.

— Добрый день, герр Кляйн! — махнул Штефан старику-киоскеру, торговавшему газетами.

— Где ваше пальто, мастер Штефан? — окликнул его продавец.

Штефан взглянул на себя — опять забыл пальто в школе! — но замедлил шаг только на Рингштрассе, где дорогу ему преградили нацисты: целая груп-

па с плакатами в руках выскочила откуда-то, точно из-под земли. Но мальчик ловко нырнул в оклеенный афишами павильон и загрохотал по железным ступеням вниз, в самую тьму венского подземелья, а выскочил уже на другой стороне улицы, прямо у дверей Бургтеатра. Рванув на себя дверь и перескакивая через две ступеньки, он скатился в полуподвал, где работала маленькая мужская парикмахерская.

— Мастер Нойман, какой сюрприз! — приветствовал Штефана герр Пергер, его белые брови удивленно скользнули вверх над черной оправой круглых очков — таких же, как у Штефана, только сухих, а не мокрых от снега, и замер в полупоклоне, с метелкой и совком в руках: он подметал волосы предыдущего клиента. — Но разве я не...

— Только подровнять, чуть-чуть. Прошло уже несколько недель.

Герр Пергер выпрямился, стряхнул в мусорное ведро состриженные волосы и поставил совок с метелкой в угол, туда, где стояла, прислонившись к стене, виолончель.

— Ну что ж, должно быть, старые мозги не так памятьливы, как молодые, — добродушно произнес он и кивнул на кресло. — А может быть, память подводит и юношей, не обделенных карманными деньгами?

Штефан бросил сумку, и пара страниц его новой пьесы выскользнула из нее на пол, но это ничего — герр Пергер знает, что он пишет. Скинув куртку, мальчик сел в кресло и снял очки. Мир сразу утратил четкость и стал волшебным: метелка словно вальсировала в углу с виолончелью, в зеркале над отражением знакомого галстука повисло чужое лицо. Но вот парикмахерская накидка герра Пергера коснулась его плеч, и мальчика передернуло: он терпеть не мог стричься.

— Я слышал, в театре думают репетировать новую пьесу, — начал он. — Чью? Цвейга?

— Ах да, вы ведь большой поклонник герра Цвейга. Как же я мог забыть? — с добродушной насмешкой ответил Отто Пергер, который знал все, что только можно было знать, и об артистах театра, и о пишущих для него драматургах.

Друзья Штефана Ноймана терялись в догадках, откуда он столько всего знает о театре, и думали, что он знаком с кем-нибудь из актеров, а то и с режиссером.

— Матушка герра Цвейга все еще живет в Вене, — сказал Штефан.

— Но сам он, с тех пор как перебрался в Лондон, не афиширует свои приезды сюда. Впрочем, должен вас разочаровать: ставить думают не его, а Чокора — «Третье ноября тысяча девятьсот восемнадцатого», о последних днях Австро-Венгрии. Однако вокруг пьесы плетутся интриги, и многие сомневаются, что она вообще увидит свет ramпы. К несчастью, герр Чокор живет буквально на чемоданах. Но я слышал, что работа над постановкой все-таки движется, хотя в ее рекламную кампанию пришлось включить заявление о том, что пьеса не содержит оскорбительных намеков в адрес ни одной из наций, входивших в состав бывшей Германской империи. В общем, потихоньку-полегоньку жизнь продолжается.

Отец Штефана наверняка возразил бы сейчас, что они живут в Австрии, а не в Германии и что нацистский мятеж здесь подавлен давным-давно. Но Штефан плевать хотел на политику. Его волновало лишь одно: кому достанется главная роль.

— Может быть, угадаете? — предложил герр Пергер, разворачивая мальчика к себе лицом вместе с креслом. — Как я помню, вы большой мастер догадок.

Штефан прикрыл глаза и снова не смог сдержать дрожь, хотя обрезанные волосы, к счастью, не сыпались ему на лицо.

— Вернер Краусс? — предположил он.

— Только подумайте! — с неподдельным, а потому удивительным энтузиазмом воскликнул герр Пергер.

Он вновь развернул кресло к зеркалу, и Штефан опять вздрогнул, увидев в его стеклянной глубине, расплывчатой без очков, что старый мастер вовсе не восторгается его блестящей догадкой, а обращается к девушке, чья голова выглядывала из-за вентиляционной решетки в стене возле него, словно росток подсолнуха на картине сюрреалиста. Один миг, и она оказалась перед ним — запыленные очки, светлые косы и молодые грудки, обтянутые платьем.

— Ну вот, Зофия Хелена, твоей маме придется возиться с этим платьем всю ночь, чтобы оно опять стало чистым, — произнес герр Пергер.

— Вообще-то, дедушка Отто, это был не совсем честный вопрос, ведь главных мужских ролей две, — весело сказала девушка.

И что-то в душе Штефана шевельнулось, откликаясь на ее голос, высокий и чистый, как начальный си-бемоль в «Аве Мария» Шуберта. Этот голос, поэтическое имя девушки — Зофия Хелена, — близость ее маленьких грудок — все это волновало его.

— Это лемниската Бернулли. — Она притронулась к золотому символу, висевшему у нее на цепочке. — Аналитически нулевая точка многочлена $x^2 + c^2$ квадрат плюс игрек квадрат минус результат $x^2 - c^2$ квадрат минус игрек квадрат, помноженное на два С квадрат.

— Я... — Штефан заппулся и залился краской.

Ему было стыдно, что девушка перехватила его взгляд, когда он смотрел на ее грудь, даже если она неверно истолковала его причину.

— Мне подарил его папа, — сказала она. — Он тоже любит математику.

Герр Пергер освободил Штефана от накидки, подал ему очки и отмахнулся от протянутой медно-ни-

келевой монеты, сославшись на отсутствие сдачи. Мальчик нагнулся, подобрал с пола листки и затолкал их в сумку. Ему не хотелось, чтобы эта девочка видела его пьесу, или знала, что у него есть пьеса, или даже думала, будто он считает, что вообще может написать нечто, заслуживающее прочтения. Вдруг он застыл, пораженный мыслью: «А что, если пол был грязный?»

— Познакомьтесь, мастер Штефан, это моя внучка, — сказал Отто Пергер; ножницы все еще были у него в руке, а метелка с совком спокойно стояли под боком у виолончели. — Зофи, этот молодой человек, Штефан, так же увлечен театром, как и ты, но гораздо больше тебя заботится о своей прическе.

— Рада знакомству, Штефан. Вот только зачем ты пришел стричься, мне непонятно. Тебе же совсем не нужна стрижка.

— Зофия Хелена! — сурово одернул ее дед.

— Я все слышала и видела из-за решетки. Стрижка тебе не нужна, и дедушка Отто только делал вид, будто стрижет. Но погоди, ничего не говори! Дай мне самой сделать вывод. — Она обвела комнату взглядом, который, скользя по виолончели в углу, по вешалке для пальто у двери, по деду, снова вернулся к Штефану, а затем метнулся к его сумке. — Ты актер! А дедушка знает все об этом театре.

— Думаю, мой ангел, ты скоро узнаешь, что Штефан — писатель, — сказал Отто Пергер. — А еще ты должна знать, что писатели порой совершают странные поступки исключительно ради обогащения жизненного опыта.

Зофия Хелена взглянула на Штефана с интересом:

— Правда?

— Я... На Рождество мне подарят пишущую машинку! — выпалил Штефан. — То есть я надеюсь, что подарят.

ПОСЛЕДНИЙ ПОЕЗД НА ЛОНДОН

— Специальную?

— Почему специальную?

— Нелегко, наверное, быть левшой?

Пока Штефан смущенно разглядывал свои руки, девушка отодвинула решетку и, опустившись на четвереньки, снова скрылась в стене, но тут же высунула голову.

— Пошли, Штефан! — позвала она. — Еще чуть-чуть, и репетиция закончится. Надеюсь, тебя не пугает перспектива добавить немного сажи и пыли к чернильным пятнам на рукаве, а? Ради обогащения жизненного опыта?

Рубины фальшивые и настоящие

Перламутровая пуговка оторвалась от манжеты на перчатке Труус, пока она, одной рукой прижимая к себе малыша, другой ловила среднего мальчика. Тот так засмотрелся на массивный металлический купол железнодорожного вокзала в Амстердаме, что едва не свалился с верхней ступеньки вагона.

— Труус! — окликнул ее муж, подхватил мальчика и опустил его рядом с собой на платформу, затем помог спуститься девочке и, наконец, самой Труус с малышом.

Оказавшись на платформе, Труус позволила мужу обнять себя — проявление супружеской нежности, которое они редко допускали на публике.

— Гертруда, — начал он, — неужели фрау Фрайер не могла...

— Пожалуйста, Йооп, не надо об этом сейчас. Что сделано, то сделано, к тому же я уверена, что молодой жене того офицера, который помог нам переправиться через границу, рубин моей матери пригодится куда больше, чем мне. Скоро ведь Рождество, надо быть щедрыми, разве ты забыл?

— Господи боже, только не говори мне, что ты рискнула подкупить нациста подделкой!

Труус чмокнула мужа в щеку:

— Милый, ты ведь говорил, что сам не различаешь, который из моих перстней настоящий, а какой поддельный, так что, думаю, обман не скоро раскроется.

Йооп расхохотался и, неуклюже приняв младенца из рук жены, тут же заворковал над ним: оба лю-

били детей, хотя своих завести так и не смогли, сколько ни пытались. Труус, чьи руки больше не согревал ребенок, сунула их в карманы пальто и тут же нащупала в одном из них спичечный коробок, о котором совсем забыла. Ей дал его в поезде доктор, тот, странный. Он долго глядел на детей влюбленным взглядом и вдруг протянул ей коробочку.

— Вы — посланец Бога, вне всякого сомнения. — И объяснил, что в коробке — его счастливый камень, талисман, который он всегда носит с собой, а теперь хочет подарить ей. — Это чтобы с вами и с детьми ничего не случилось, — настаивал он, открывая коробок и показывая ей камень; тусклый, серый, он годился разве на то, чтобы служить талисманом. — Когда хоронят еврея, люди несут на могилу не цветы, а камни, — добавил он так, что отказаться от его подарка стало невозможно.

Правда, доктор пообещал забрать свой талисман назад, когда ему самому понадобится удача. В Бад-Бентхайме он сошел, а поезд пополз дальше, через германо-нидерландскую границу. И вот, стоя вместе с детьми на платформе в Амстердаме, Труус подумала, что, может быть, этот невзрачный камешек и впрямь обладает какой-то охранительной силой.

— Так-то, малыш, — говорил между тем Йооп младенцу, — придется тебе расти, чтобы стать большим, сильным и совершить великие дела, иначе как мы с тобой оправдаем риск, которому подвергала себя моя невеста? — Но как ни тревожила Йоопа эта незапланированная спасательная операция, он не стал критиковать жену, молчал он и когда Труус планировала поездки в Германию за детьми; чмокнув малышня в щечку, он добавил: — Нас ждет такси.

— Такси? Тебе что, жалованье прибавили?

Это была шутка. Йооп сам был банкиром, экономным до мозга костей, но при этом романтичным настолько, что, прожив с женой двадцать лет, все еще звал ее невестой.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ВРЕМЯ ДО

— От трамвайной остановки до дома их дяди и так далеко идти, а тут еще снег, — оправдывался он. — Да и доктор Грунвельд вряд ли захочет, чтобы племянники и племянница его друга отморозили себе носы и щеки.

Друг доктора Грунвельда. Это все объясняет, думала Труус, когда ажурный купол вокзала над их головами сменился ветвями деревьев в белом кружевном уборе, в глаза ударила резкая белизна замерзшего канала, а под ногами захлюпала жижа из снега и грязи. Так работал Комитет по еврейским нуждам: голландские граждане вызывали к себе племянников и племянниц; знакомых знакомых; детей друзей и партнеров по бизнесу. И как часто от наличия таких связей, далеких, порой мимолетных, зависела чья-то жизнь.

ВЕНСКАЯ НЕЗАВИСИМАЯ

ДОМ, ГДЕ РОДИЛСЯ ГИТЛЕР, СТАНОВИТСЯ МУЗЕЕМ

Отношения между Австрией и Германией
остаются напряженными, несмотря на летнее соглашение

Кэте Пергер

БРАУНАУ-АМ-ИНН, АВСТРИЯ, 20 декабря 1936 года. Владелец дома, где родился Адольф Гитлер, отдал две комнаты под музей. Австрийские власти в Линце разрешили публичное посещение при условии, что в дом будут впускать только посетителей из Германии, а не австрийских граждан. Если оно будет нарушаться или дом превратится в регулярное место проведения нацистских демонстраций, музей будет закрыт.

Открытие музея стало возможным после заключения 11 июля Германо-австрийско-

го соглашения с целью вернуть наши нации к отношениям нормального и дружеского характера. По условиям данного документа Германия признает полную независимость Австрии и соглашается считать политическое устройство нашей страны делом международным, а потому не подлежащим германскому влиянию — уступка со стороны Гитлера, который серьезно возражает против решения правительства Австрии удерживать в тюремном заключении членов Австрийской нацистской партии.

Свечи на рассвете

Зофия Хелена с замиранием сердца подходила к запыленной снегом изгороди и высоким кованым воротам роскошного особняка на Рингштрассе. Чтобы успокоиться, она положила ладонь на розовый в клеточку шарфик — подарок бабушки ей на Рождество, — мягкий, как материнское прикосновение. Этот дом был куда больше того, в котором размещалась квартира ее родителей, и намного наряднее. Четыре этажа с колоннами, арки нижнего словно поддерживали три верхних, где прямоугольники французских окон выходили на балконы с каменными балюстрадами, а пятый, не такой высокий, как другие, украшали каменные статуи. Они то ли подпирали шиферную крышу, то ли караулили прислугу, для которой этот этаж, несомненно, и предназначался. Не может быть, чтобы в таком доме действительно жили люди, и уж тем более Штефан. Она хотела повернуться ко всему этому великолепию спиной, когда из привратничкой показался человек в пальто и цилиндре и распахнул перед ней ворота. Едва она шагнула внутрь, как резная дверь парадного входа отворилась и по ступенькам, сухим и чистым, как в разгар лета, сбежал Штефан.

— Смотри! Я написал новую пьесу! — воскликнул он, потрясая перед ней какими-то листками. — И напечатал ее на машинке, которую подарили мне на Рождество!

Привратник тепло улыбнулся:

— Мастер Штефан, не желаете ли пригласить гостью в дом?

Внутри особняк оказался еще роскошнее, чем снаружи: великолепные люстры, сложные геометрические узоры на мраморном полу, величественная лестница и везде картины, но все такие необычные: то осенние березы в какой-то чудной, искривленной перспективе, то приморская деревушка на склоне холма, жизнерадостная до оскомины; а вот странный портрет дамы, очень похожей на Штефана, — те же страстные глаза, длинный прямой нос, красные губы и почти неуловимая ямочка на подбородке. Волосы дамы на портрете были убраны наверх, полностью открывая лицо, а на щеках горели красные царапины: их тревожная изысканность наводила на мысли скорее о красоте и здоровом румянце, чем о боли, и все же Зофи подумала именно о ней. Из большой гостиной текли звуки Первой виолончельной сюиты Баха, мешаясь с оживленными голосами гостей, собравшихся у фортепиано: его крышка с изысканной отделкой из золотых листьев была поднята, а на внутренней стороне большая белая птица с раскинутыми крыльями несла в лапах позолоченную трубу.

— Ее еще никто не читал, — прошептал Штефан. — Ни одного слова.

Зофи снова взглянула на рукопись, которую он протягивал ей. Неужели он хочет, чтобы она прочла это прямо сейчас?

Привратник — Штефан называл его Рольф — подсказал:

— Надеюсь, ваша гостья хорошо провела Рождество, мастер Штефан?

Но Штефан пропустил его слова мимо ушей и обратился к Зофи:

— Я еле дождался, когда ты вернешься.

— Да, Штефан, моя бабушка поправилась, а я прекрасно провела время в Чехословакии, спасибо, — ответила девушка и была вознаграждена одобрительной улыбкой Рольфа, который как раз принимал у нее пальто и новый шарфик.

Зофи пробежала глазами первую страницу:

— Штефан, начало прекрасное.

— Ты и правда так думаешь?

— Вечером я прочитаю ее целиком, обещаю, а сейчас, если ты действительно хочешь познакомить меня с родственниками, заведи ее у меня, ведь я не могу явиться к ним с бумагой под мышкой.

Заглянув в музыкальную гостиную, Штефан взял у девушки рукопись и побежал наверх. На площадке второго этажа он, не сбавляя скорости, схватился на повороте сначала за одну стацию, потом за другую и влетел в распахнутую дверь библиотеки, за которой изумленным глазам Зофи открылось столько книг, сколько она никогда еще не видела ни в одном доме.

Из салона донесся голос — женщина, плоскогрудая, по моде того времени, говорила:

— ...Гитлер сжигает книги. Кстати, самые интересные. — Говорящая была похожа на Штефана и на портрет с исцарапанными щеками, только ее волосы, разделенные прямым пробором, двумя волнами спускались по обе стороны лица. — Пикассо и Ван Гог этот жалкий тип называет неучами и мошенниками. — Одним пальцем она поддела нитку жемчуга, которая, как и у матери Зофи, обвивала ее шею, а потом ровным полукругом спускалась до самой талии; жемчужины были такие крупные и круглые, что, казалось, разорвись удерживающая их нить, и они будут катиться без остановки. — «Миссия искусства не в том, чтобы валяться в грязи ради самой грязи», — заявляет он. Откуда ему знать, в чем миссия искусства? И после этого меня называют истеричкой?

— Никто не называл тебя истеричкой, Лизль, — ответил женщине мужской голос. — Ты сама это только что придумала.

Лизль. Значит, это тетка Штефана. Он обожал ее и дядю Михаэля, ее мужа.